

Я.В. Васильков

АНТРОПОМОРФНЫЕ СТЕЛЫ ЮЖНОЙ АРАВИИ ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

В последние годы в среде археологов, изучающих древние культуры Южной Аравии, возрос интерес к уникальным образцам искусства эпохи бронзы — антропоморфным стелам, которые чаще определяют либо французским термином *statues-menhirs*, либо немецким *Kriegerstellen* «воинские стелы». Вслед за ростом интереса увеличивается и число находок: если к середине 1990-х годов было известно около 30 подобных стел [Newton, Zarins 2000: 168], причем многие из них, приносимые местными жителями, поступали в местные музеи еще со времен британского протектората, то к середине 2000-х годов число их превысило уже полсотни [Vogt 2006: 120]. Изображения стел см. в работах: [Pirenne 1990: fig. 8, pl. XXV, XXVI; Rodionov 1997: 113–114; Seipel 1999: 110, 138–139; Newton, Zarins 2000: fig. 8]. Все стелы, кроме хранящихся в музеях, сосредоточены на плоскогорьях, занимающих внутреннюю часть восточного Йемена, в провинциях Хадрамаут и Махра.

Стелы представляют собой известняковые плиты высотой до полутора метров. В большинстве своем они сохранились вырванными из археологического контекста, но все же удалось установить их привязку к курганообразным круглым выкладкам из камней. В трех случаях стелы были найдены лежащими с внешней или внутренней стороны окружавшей такого рода погребение стены из каменных плит. В 1993 г. Б. Фогт и А.В. Седов, исследуя памятник аль-Кибали в Вади ‘Арф, обнаружили две стелы *in situ*: они были неотъемлемой составной частью внешней стены погребения [Vogt 2006: 125].

Изображения на стелах нанесены большей частью в технике барельефа, иногда — посредством гравировки; встречается и сочетание техник. На лицевой стороне представлены человеческие фигуры, относительно пола которых не может быть сомнений, поскольку лица (выделены глаза и нос) неизменно украшены окладистыми бородами. Иногда видны покатые плечи почти во всю ширину стелы и слабо намеченные руки. Линия, отделяющая лицо от туловища, в ряде случаев представляет, по-видимому, шейную гривну (что особенно хорошо вид-

но на стеле из Байна Джибаль, где эта линия проходит ниже бороды [Rodionov 1997: 113–114]). На торсе часто видны соски (по Б. Фогту — Brustwarzen).

Поперек туловища изображен почти всегда кинжал или короткий меч очень характерной формы: у него акцентирована головка (или навершие) рукояти в виде полумесяца. Лезвие его обычно в той или иной степени отклонено от горизонтали вниз: он как бы заткнут за невидимый пояс. Впрочем, иногда изображается, ниже кинжала, и пояс, в двух случаях украшенный ломаной зигзагообразной линией. Встречаются также обычно идущие поперек стелы в нижней ее части волнообразные линии, иногда удвоенные или утроенные, одна над другой. В них, как правило, тоже видят вариант пояса.

В отдельных случаях на тыльной стороне стелы изображался позвоночный столб с отходящими от него горизонтальными или наклонными линиями, интерпретируемыми как ребра [Rodionov 1997: 113–114; Newton, Zarins 2000: fig. 8, №№. 16, 23; Vogt 2006: 123]. Очевидно, что такие стелы должны были быть открыты для обозрения с обеих сторон, и это им обеспечивала занимаемая ими позиция во внешней ограде круглого погребального сооружения.

В статье для фештшрифта М.А. Родионова Б. Фогт датировал стелы из аль-Кибали «4 или 3 тысячелетием до Р.Х.». [Vogt 2006: 124]. Причины, по каким он противоречит здесь своей прежней датировке йеменских стел (середина 3 — конец 2 тысячелетия до н.э. [Yémen 1997: 33; Seipel 1999: 138]), неясны. Кроме того, он полностью признает датирующее значение изображений кинжалов (мечей) с месяцевидной головкой (или навершием) рукояти (*lunateommel daggers*), которое было установлено Л. Ньютоном и Ю. Зариньшем; однако наиболее близкие аналогии изображениям кинжалов на йеменских стелах и в наскальном искусстве Южной Аравии обнаружены этими авторами в произведениях искусства и в образцах оружия Египта и Месопотамии, датируемых 2500–1500 годами до н.э. [Newton, Zarins 2000: fig. 2, 3, p. 161].

Стелы из северного Средиземноморья (южной Франции, швейцарских и итальянских Альп), на которых тоже присутствуют «кинжалы с месяцевидным навершием», на тысячу лет древнее (3500–2000 годы до н.э. [Robb 2009: 171]), но привлекать их к датировке йеменских стел вряд ли стоит: кинжалы там все-таки другого типа: с тонким черенком рукояти и с лезвием, которое в основании своем равно по ширине «месяцевидному» навершию рукояти (см.: [Newton, Zarins 2000: fig. 9]).

Интерпретация функции и семантики йеменских стел в значительной мере основывается на опыте исследования средиземноморских па-

мятников. По счастью, окладистые бороды изображенных на йеменских стелах персонажей исключили какую-либо возможность усмотреть в них образы «богини-матери», что долгое время было характерно для интерпретаторов главным образом антропоморфных стел Франции. Поводом были, конечно, соски на груди и ожерелье (гривна) на шеях изображенных персонажей, хотя с этими деталями иногда соседствовал кривой пастушеский посох — явный символ власти «хозяина стада».

Между тем в последние годы в интерпретации европейских стел наметился перелом: на них все чаще видят не богов и богинь, а почитаемых героев-предков [Robb 2009: 172; ср.: Anati 2008: 29]. Сыграло свою роль, по-видимому, то, что появилось много археологических свидетельств привязки европейских антропоморфных стел к погребально-поминальной обрядности в контексте героической, воинской идеологии. Появление «статуй-менгиров» связывают также с формированием достаточно сложных обществ, управляемых воинской элитой, и выдвиганием в экономике на первый план пастушеского скотоводства [Anati 2008: 29; Robb 2009: 167].

Исследователи йеменских стел, разумеется, не могли не заметить сходства их композиции с европейскими стелами, на которых так же обозначены глаза или линия бровей, нос. Лицо отделено от туловища шейной гривной или ожерельем, иногда намечены руки, на торсе — соски, выше пояса разные виды оружия (лук, топор) и знаки статуса, у пояса на альпийских стелах — кинжал с месяцевидным навершием [Robb 2009: 168]. Мимо их внимания прошло, по-видимому, то, что по крайней мере на одной стеле этого типа из Испании, на лицевой (в отличие от йеменских стел) стороне, между гривной и поясом, за который заткнут топор, изображены ребра [Robb 2009: fig.2a].

Явное сходство стел Йемена с европейскими основано, как они считают, на сходной идеологии, зародившейся в обществе, которое переживало трансформации, подобные имевшим место в Средиземноморье, но принадлежало к особому «Аравийскому мегалитическому комплексу». Последний отличался от западно-европейских культур эпохи бронзы исключительным развитием кочевого скотоводства, в ходе которого произошло выделение уже, по-видимому, наследственных «пастушеских элит». Представители этих элит и изображены на стелах йеменского плоскогорья [Newton, Zarins 2000: 171].

Сопоставление антропоморфных стел Йемена и северного Средиземноморья, безусловно, оказалось плодотворным, но, как мы постараемся показать, расширение круга сравнительных материалов может дать новый стимул и внести некоторые уточнения в интерпретацию стел.

В последние годы автор этой статьи занимался исследованием индийских памятников героям («hero-stones»), в ходе которого выяснилось, что эти памятники, сохранившиеся от древности до новейшего времени в периферийных по отношению к центрам брахманской ведийско-индуистской традиции областях, населенных племенами и кастами мобильных, воинственных скотоводов, донесли до нас представления глубокой индийской архаики.

Hero-stones представляют собой одно из поздних ответвлений великой евразийской традиции антропоморфных стел, наиболее древними очагами которой являются, помимо Северного Средиземноморья, очень богатое памятниками Северное Причерноморье (юг России, Украина, Молдова, Румыния), Йемен (Хадрамаут, Махра), предгорья Алтая в Центральной Азии (чемурчекская культура), Кавказ, Юго-Восточная Турция (стелы из Хаккари). По разным линиям наследуют этой традиции памятники Греции (стелы, погребальные вазы и пр.), предскифские оленные камни, скифские, а затем и тюркские каменные изваяния на курганах, а также индийские hero-stones.

По совокупности данных выясняется, что в древнейших антропоморфных стелах энеолита — ранней бронзы впервые нашла художественное выражение архаическая концепция «пастушеского героизма», которая продолжала существовать на протяжении тысячелетий, в одних областях Евразии претерпев существенные трансформации, в других же (например, в Индии) сохраняясь в вариантах, весьма близких к исходному.

Будучи включены в этот общий контекст, индийские памятники приобретают особое, исключительное значение, поскольку они являются не только археологическим, но в известной мере и еще живым этнографическим материалом, который продолжает (или до недавнего времени продолжал) функционировать в создавшей его традиции. Семантика изображений на индийских памятниках героям и сейчас является достаточно прозрачной, адекватно осознается и интерпретируется носителями данной культуры. Материал индийских памятников дает нам ключ, с помощью которого мы в состоянии раскрыть исходную семантику древнейших антропоморфных стел в вышеперечисленных областях Евразии.

В структуре и семантике памятников всех названных евразийских традиций обнаруживается определенная общность и некоторые закономерности. Скажем о них вкратце, отсылая за подробностями к другим публикациям [Vassilkov 2011; Васильков 2010].

Большинство индийских hero-stones воздвигнуто в честь героев, которые пали, отражая вражеский набег или совершая набег на соседей, то

есть защитников скота и женщин общины или, наоборот, захватчиков того и другого у соседей. Исходя из причерноморского материала Д.Я. Телегин называл персонажей, изображенных на стелах, «хозяевами стад» [Телегин, Потехина 1998: 20, 39]. В большинстве вышеназванных традиций на стелах так или иначе представлена в основном «пастушья» символика.

Общей особенностью структуры можно считать членение антропоморфной композиции по вертикали на ряд тематических зон, что впоследствии в ряде традиций приводит к утрате композицией общей антропоморфности. Как правило, композиция трехчастна: фигура героя делится на тематические зоны шейной гривной и поясом.

В верхней зоне антропоморфной композиции — лицо героя. Он обычно представлен в момент апофеоза, когда, реализовав в последней битве свой геройский статус и земное предназначение, он обретает божественный статус (или возвращается к нему). Поэтому лицо героя может быть окружено лучами (как на стелах в Западных Альпах) или планетарными символами, прежде всего — Солнца и Луны, которые в Индии объясняются как свидетели и гаранты вечной славы героя. Кстати, уже была попытка исходя из средиземноморских аналогий интерпретировать как планетарные символы кружки возле лица героя на одной из стел в музее города Мукаллы [Newton, Zarins 2000: 168; Seipel 1999: 139].

В средней зоне представлены символы властного статуса и «великой доли»: оружие, различные знаки престижа; в традициях Северного Причерноморья, Южной Франции и центрально-азиатской чечурской культуры почти неизменным атрибутом в средней зоне является кривой пастуший посох [Vassilkov 2011: 205–206, fig. 2].

Наконец, в нижней зоне стелы иногда дается картина последней битвы, но много чаще представлены объекты защиты или завоеваний героя, например скот: в Северном Причерноморье и Греции — кони, в Индии — коровы, на Алтае — дикие быки, в итальянских Альпах и в турецкой Анатолии — олени (возможно, имеются в виду охотничьи угодья как объект борьбы). Как еще один популярный объект защиты и завоевания в нижней зоне могут изображаться женщины (Причерноморье, Анатолия, Индия).

Трехчастную вертикальную композицию выявил на ряде стел Северной Италии Э. Анати, но его интерпретация отлична от нашей. По его мнению, «трехчастные» стелы представляли собой новый этап в развитии местных антропоморфных памятников. Если на более ранних, как считает Анати, «статуях-менгирах» изображались обожествленные

героические предки, то в трехчастных композициях он усматривает выражение более сложной концепции, зародившейся в развитом, стратифицированном обществе.

Он полагает, что на этих композициях представлено вселенское божество, объемлющее собой все сферы мироздания: мир богов, обозначенный солярными или планетарными символами, мир людей, с символами власти и производительности, орудиями повседневного труда, и нижний (подземный)

По мнению Анати, именно альпийские композиции такого рода являются древнейшими воплощениями индоевропейской космологической схемы, которая позднее реализовалась, в частности, в грандиозном ведийском образе Пуруши — Первочеловека, из тела которого, принесенного в жертву, возникли три части мироздания. Кроме того, Анати пытается связать эти три зоны на альпийских стелах с дюмезиловскими тремя функциями [Anati 2008: 24–26].

Не касаясь этой дюмезирианской интерпретации, скажу лишь, что трактовка трехчастности стел и наскальных композиций, данная Анати, в принципе может быть согласована с нашей — и именно через образ Пуруши. Потому что само имя «Пуруша» имеет значение «муж», а в некоторых контекстах — «герой», и Пуруша сам отдал себя в жертву. По данным индийской архаики, герой, идя на битву, приносит себя в жертву («жертвует собой»). И если представления данного круга восходят к индоевропейской древности, то не исключено, что носители древнейших традиций «пастушеского героизма», создавая образы почитаемых героев-предков, использовали как модель архетипический образ Первогероя с присущей ему трехчастностью.

Необходимо отметить еще одну почти универсально распространенную черту древнейших памятников героям. Это так называемая «героическая нагота». Ее мы встречаем практически во всех ветвях евразийской традиции антропоморфных стел и генетически связанных с ними памятников [Vassilkov 2011: 206–211, fig. 3]. Не встречается нагота изображаемых фигур только на памятниках Индии, поскольку со временем здесь утвердилась культурная норма, не позволяющая изображать воина-героя нагим; «героическая нагота» сохранила свою обязательность только для «воинов духа» — монахов некоторых индуистских воинствующих орденов (иногда носящих при этом оружие) и джайнов-дигамбаров («одетых лишь пространством»). Нагота героев на стелах различных традиций передается посредством изображения мышц груди, сосков, пупа, гениталий, а во многих случаях — ребер и позвоночного столба.

Последняя деталь позволяет нам перейти, наконец, к вопросу о том, какие дополнения и уточнения можно внести в интерпретацию йеменских стел специалистами по Южной Аравии на основании выявленных нами общих для других евразийских традиций закономерностей.

Изображения позвоночного столба и ребер выявлены на тыльной стороне по меньшей мере двух йеменских стел: из Байна Джибаль [Rodionov 1997; Newton, Zarins 2000: fig. 8, № 23] и предположительно из Вади Мухаммадийин [Seipel 1999: 139, № 66; Newton, Zarins 2000: fig. 8, № 16]. Б. Фогт, однако, говорит о *нескольких* случаях [Vogt 2006: 123].

Смысловой интерпретации этого мотива на йеменских стелах еще не предлагалось. Для других традиций антропоморфных стел существует целая гамма объяснений так называемого «скелетного стиля» изображений. Так будто бы пытались показать причастность персонажа к миру смерти и предназначенность его для жертвоприношения, или нужно было просто изобразить сверхъестественное существо, лишенное кожи, с видимыми костями и внутренностями [Клейн 2010: 455–456]. Однако на широком сравнительном материале разных традиций выясняется, что изображение позвоночника и ребер или облегających их мышц — лишь один из способов показать «героическую наготу» персонажа. При этом в случае со стелой из Байна Джибаль изображение позвоночника и ребер на тыльной стороне дополняется несущим ту же функцию изображением сосков на лицевой стороне.

Похоже, работает на некоторых йеменских стелах и та выявленная нами закономерность, что объекты защиты или, наоборот, захватнических устремлений героя на стелах эпохи бронзы показаны всегда в самой нижней зоне.

На той из двух декорированных стел в аль-Кибали, что повыше и на фотографиях группы видна слева, в нижней зоне, как мне представляется, изображены двое животных, повернутых мордами одно к другому. Определить вид животных точно не удастся, но, скорее всего, это кони. На лицевой стороне знаменитого «Керносовского идола» из Северного Причерноморья точно так же в самом низу находятся две фигурки коней, развернутых, правда, в одном направлении; рядом виден прямоугольник, в котором можно предполагать изображение загона для скота.

На стеле из аль-Кибали ниже предполагаемой «пары коней», виден такой же прямоугольник. В данном случае наша интерпретация остается, впрочем, вполне гипотетической, поскольку из-за плохой сохранности стелы Б. Фогт вынужден был перед фотографированием прочертить видимые линии мелом, и при этом предполагаемые фигурки животных

оказались соединенными, образовав непонятный зигзагообразный предмет [Seipel 1999: 110; Newton, Zarins 2000: fig. 8, № 19; Vogt 2006: 124]. Прав он был в этом или ошибся, можно узнать только при более близком знакомстве с памятником.

С гораздо большей степенью уверенности можно интерпретировать, как мне кажется, другой изобразительный мотив на йеменских стелах — волнообразную линию. На одной из стел в аль-Кибали мы видим две такие волнистые линии одну под другой, на второй стеле — три линии. Б. Фогт усмотрел в них «зигзагообразный пояс» [Vogt 2006: 125]. Однако на других стелах можно увидеть такую волнистую линию либо ниже отдельно изображенного пояса, в зоне «объектов борьбы», либо выше пояса, в зоне статусных символов и объектов владения. Следовательно, это не пояс, а что-то другое.

Волнообразная линия, тем более сдвоенная или строенная, является универсально распространенным символом воды — реки или водного источника. Примечательно, что на обеих стелах из аль-Кибали рядом с этим символом видны некие линии, которыми, по предположению Фогта, может быть намечена «кисть правой руки» [Vogt 2006: 125]. Рука, таким образом, протянута к символу водного источника как объекту владения и борьбы.

Можно привести очень близкую аналогию на стеле из Кайнарла — памятника чемурчекской культуры на Алтае, где герой — «хозяин стад» протягивает правую руку, одновременно держащую пастуший крюк и лассо, к изображенной в нижней зоне фигуре бегущего быка [Ковалев 2007: 59, ил. 5, № 1, 3].

Для йеменского плоскогорья водные источники должны были быть важнейшим объектом престижного владения и борьбы между племенами. В этом отношении представляется исключительно важным наблюдение Б. Фогта, согласно которому места находок стел вообще «кажутся привязанными к гидравлическому режиму Джоля, поскольку на его подлинных плоскогорьях (безводных. — Я.В.) не найдено пока ни одной стелы» [Vogt 2006: 120].

Это дает основания полагать, что йеменские стелы могли нести еще одну немаловажную функцию. Размещение неподалеку от источников воды могильников и мемориальных стел в честь легендарных героев-предков с изображением на них символа воды в описанном контексте могло служить цели утверждения прав племенной общины или ее наследственной элиты на владение данным водным источником.

Я признателен М.А. Родионову за ценные советы и С.А. Французову за помощь с литературой по археологии Йемена.

Библиография

- Васильков Я.В.* Индоевропейские поэтические формулы и древнейшая концепция героизма в «Махабхарате» // Поэтика традиции. СПб., 2010. С. 68–91.
- Клейн Л.С.* Время кентавров. Степная прародина греков и ариев. СПб., 2010.
- Ковалев А.А.* Чемурачский культурный феномен // А.В. Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова. СПб., 2007. С. 25–76.
- Телегин Д. Я., Потехина И. Д.* Кам'яні «боги» мідного віку України. Київ, 1998.
- Anati E.* The Way of Life Recorded in the Rock Art of Valcamonica // Adoranten. Scandinavian Society of Prehistoric Art. 2008. Vol. 8. P. 13–35.
- Newton L.S., Zarins J.* Aspects of Bronze Age art of southern Arabia: The pictorial landscape and its relation to economic and socio-political status // Arabian archaeology and epigraphy. 2000. № 11. P. 154–179.
- Pirenne J.* Les témoins écrits de la région de Shabwa et l'histoire (Fouilles de Shabwa I. Institut français d'Archéologie du Proche-Orient. Bibliothèque archéologique et historique. T. 134). P., 1990.
- Robb J.* People of Stone: Stelae, Personhood and Society in Prehistoric Europe // Journal of Archaeological Method and Theory. 2009. Vol. 16. P. 162–183.
- Rodionov M.A.* Mawlā Maṭar and other awliyā': On Social Functions of Religious Places in Western Hadramawt // Mare Erythraeum. München, 1997. I. S. 107–114.
- Seipel W.* (hrsg.). Jemen: Kunst and Archäologie im Land der Königin von Saba'. Wien, 1999.
- Vassilkov Y.* Indian “hero-stones” and the Earliest Anthropomorphic Stelae of the Bronze Age // The Journal of Indo-European Studies. 2011. Vol. 39, № 1 & 2, Spring/Summer. P. 194–229.
- Vogt B.* Die Prähistorischen “Kriegerstellen” von Al-Kibali im Wadi 'Arf (Hadramawt) und ihr Kontext // Культура Аравии в азиатском контексте. СПб., 2006. С. 119–128.
- Yémen, au pays de la reine de Saba'. Catalogue d'exposition. P., 1997.